

Олег Копытов

Статьи о России

Олег Копытов

Статьи о России

«Издательские решения»

Копытов О.

Статьи о России / О. Копытов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834064-2

В книгу вошли 8 статей автора, которые он написал в разное время и которые были опубликованы в различных периодических изданиях. Их объединяет тема России как культурного феномена. Чаще всего тема рассмотрена в аспекте филологии, точнее — лингвистики и литературной критики. Сборник открывает статья, на которую обратил внимание директор Библиотеки Конгресса США, иностранный член РАН Джеймс Х. Биллингтон.

ISBN 978-5-44-834064-2

© Копытов О.

© Издательские решения

Содержание

Ключевые слова русской культуры	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Статьи о России

Олег Николаевич Копытов

© Олег Николаевич Копытов, 2017

ISBN 978-5-4483-4064-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ключевые слова русской культуры

Большое видится на расстоянии – одним из лучших знатоков русского языка, тонким наблюдателем за его глубоким течением – является полька по происхождению, австралийский профессор Анна Вежицкая.

Среди множества ее работ по лингвистике есть статья [1], содержащая удивительное открытие: Анна Вежицкая обнаружила, что ключевыми словами русской культуры являются слова ДУША, ТОСКА, СУДЬБА, которые уникальны, непереводимы в полном объеме и с коренными значениями ни на один язык мира.

С 1990-го года прошло более двух десятилетий, и, конечно, концепция Анны Вежицкой о трех ключевых словах русской культуры немало обсуждалась, обсуждается и сегодня (если набрать эти слова и фамилию Вежицкая в «Яндексе», найдется 753 тыс. ответов, это, с учетом случайных, не глобально много, но и не настолько мало, чтобы с этим не считаться). Есть как абсолютные союзники и этноцентрического метода исследования языка вообще, и утверждения о трех словах – концептах русской культуры Анны Вежицкой в частности, так и решительные противники (один из постоянных оппонентов Вежицкой – француз, швейцарский профессор Патрик Серио, см., например, [2]).

Дадим цитату из самой Вежицкой: «Ключевые слова» – это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры. Например, ... я попыталась показать, что в русской культуре особенно важную роль играют русские слова *судьба*, *душа* и *тоска* и что представление, которое они дают об этой культуре, поистине неоценимо» [3: 282].

«Большое видится на расстоянии, – Но лучше, если все-таки – вблизи». В последнее десятилетие XX века и в первое XXI немало наших соотечественников – как исследователей-лингвистов, так и публицистов, а сегодня уже и блогеров (кстати, а «блогер»: это кто? – графоман?) – высказались о том, какое именно представление о русской культуре могут дать слова ДУША, ТОСКА, СУДЬБА. Словарь ключевых слов русской культуры с 1990-го года весьма авторитетными отечественными лингвистами был весьма расширен. По данным Ю. С. Степанова, константами русской культуры являются *мир, свои и чужие, Русь, родная земля, время, огонь и вода, хлеб, водка и пьянство, слово, вера, любовь, правда и истина, закон, совесть, отцы и дети, дом, уют, вечность, страх, тоска, грех, грусть, печаль*. У А. Д. Шмелева – это *простор, даль, ширь, приволье, раздолье*; у других авторов – *авось, удаль, жалость, артельность, соборность, дом, жизнь, друг, дурак*. В Отечестве языковая картина мира изучается при помощи понятия ключевых слов уже в рамках всё набирающей силу отдельной дисциплины лингвокультурологии [4].

Высказался о ключевых словах русской культуры и я. И в качестве представителя академического цеха [5], и в качестве публициста [6]. Это было десять и более лет назад, но не так давно я обнаружил, что меня цитирует американский историк, профессор Гарварда и Принстона, тринадцатый директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Хедли Биллингтон. В книге «Россия в поисках себя» он пишет: «Некий православный христианский автор с Дальнего Востока считает, что покорность ударам судьбы глубоко укоренилась в сознании русского народа. Словосочетание «судьба-злодейка» означает, что пропасть между Любовью, исходящей от Бога, и греховным поведением человека никогда не будет преодолена и что русскому народу необходима «готовность к будущему, которое будет хуже, чем настоящее» [7: 118—119], и приводит в ссылках мою статью «Ключевые слова русской культуры» 2002 года [там же: 202].

Вообще крупнейший американский специалист по России, – наверное, совершенно справедливо, – считает, что Россия 1990-х годов – «от Москвы до самых до окраин» пространство, скорее, пессимизма с противовесом веры и только веры, хотя постперестроечная Россия –

уже несколько иная: «Несмотря на периодические приливы разочарования и безнадежности... русские в постперестроечное время заняли сдержанную, умеренно-оптимистичную позицию. Они отошли от равнодушия и цинизма, сделав характерный для России поворот в сторону не столько веры, сколько надежды» [там же: 119].

Но вот, чтобы мне самому понять из «более оптимистичного сегодня», куда мы плывем из «вчера», мне пришлось и перечитать ту свою статью 2002-го и... не то, чтобы ее переписать, а – как бы это точнее выразиться... при почти полном сохранении «контента», чуть-чуть сместить акценты, отредактировать, если хотите, не совсем содержание, а «интонацию», именно ту «интонацию», которая иногда способна на многое, может быть даже, «победить смысл». Нет, не победить сами интерпретации ДУШИ, ТОСКИ и СУДЬБЫ, которые – вряд ли изменю это мнение, – да, права, Анна Вежицкая в своем исследовании-озарении – суть русской культуры, а победить тот смысл, который задается старым годом издания и контекстом из книги американского научного светила. Я никогда не был «православным автором», и чем дальше, тем больше перемещаю, уже переместил свой символ веры из публичного в личное пространство, во-первых (оттого православные мотивы в сегодняшней версии основного текста максимально сокращены), и во-вторых и главных – рассуждения о ключевых словах русской культуры не могут поместить ни автора, ни читателя в пучины полного пессимизма, они *всегда*, во все времена способны выводить на путь и веры, и надежды, и любви.

Итак, ниже – статья 2002 года в редакции 2012-го.

Язык показывает и интеллектуальный, и эмоциональный – сущностный мир говорящего на нем народа. «Язык – дом бытия», – писал Мартин Хайдеггер.

В доме русского бытия три краеугольных камня.

Обнаружившая их Анна Вежицка пишет: «Такие ключевые слова, как *душа* или *судьба*, в русском языке подобны свободному концу, который нам удалось найти в спутанном клубке шерсти; потянув за него, мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный „клубок“ установок, ценностей и ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространенных сочетаниях, в грамматических конструкциях, в пословицах и т. д. Например, слово *судьба* приводит к другим словам, „связанным с судьбою“, таким, как *суждено*, *смирение*, *участь*, *жребий* и *рок*, к таким сочетаниям, как *удары судьбы*, и к таким устойчивым выражениям, как *ничего не поделаешь*, к грамматическим конструкциям, таким, как всё изобилие безличных дативно-инфинитивных конструкций, весьма характерных для русского синтаксиса, к многочисленным пословицам и так далее» [3: 282].

Мы попробуем пробраться от самих выбранных слов к ценностям и установкам, минуя лингвистический аппарат.

Русская ДУША – это источник этических суждений. Только *человек с душой* в русской картине мира является полноценным, полноправным человеком, участником мирового события. Человек, утративший «душу живу», при сохранении физиологического своего тела, лишь «коптит небо», он не способен к самому главному – к духовному переживанию своей жизни. Бездушные и даже только потраченная «молью мелких желаний» душа – «*душонка*» – это провал человека при жизни в омут небытия. Такой человек в русском космосе – «живой труп».

Спасти свою душу – цель земной жизни русского человека. *Состояние души* – его важнейшая характеристика.

Совершенно иное – в других культурах и языках. Например, в английском *soul* – да, есть значение «душа», но еще и «энергия», «сила», «энтузиазм», «человек», «модель», «поток» (*stream*-стремнина), это слово стоит близко к *spirit* – деятельный, земной дух; и *person* – человек как личность, самость, индивидуальность, модель самого себя. Говоря *soul*, носитель английского языка говорит прежде всего о *своем настроении*, данном ему как бы объективно, волей обстоятельств, в которые он «угадал попасть» или попросту «угодил». Или же

говорится о soul как о *результате личных чувственных усилий*: «Я сам себе сделал плохое настроение, сам и исправлюсь». Об этом – исконный, «черный» блюз (одно из значений soul – негритянская музыка и негритянская городская культура), об этом «белый» ритм-энд-блюз «Rolling Stones», об этом – песни «Beatles». О soul как о чувственном настроении, противопоставленном «вывихнутому миру», – сонеты Шекспира: «Не знаю я, как шествуют богини, но милая ступает по земле».

Если есть проблемы с soul, представитель англосаксонской культуры не скажет «тоска», он скажет miss. То miss – это инфинитив со значением опять же состояния-*настроения*, когда не хватает неких предметов – конкретных, чувственных, весомых, зримых. I miss you, например. То есть «Я по тебе скучаю». «Мне скучно, Мефистофель!» – говорит европеец, имеющий мускулистую soul, но не имеющий объекта ее приложения, будь то алмаз или женщина, или даже истина.

Вообще, сплин, хандра – скука, некое объективное или субъективное, но *моментальное* состояние, – вот что лежит по ту, другую, чужую русскому космосу сторону. Скука в русском мире, простите, – сука. Скука по-русски близка понятию слабой, разлагающейся, рассеивающейся, как дым на ветру, душе.

Рядом с русской ДУШОЙ стоит не скука, а ТОСКА.

ТОСКА – русская ТОСКА, не переводимая ни на один язык мира, – это то, что не позволяет жить. Вообще. Никогда, нигде, ни с кем, никак. Это глобальный, метафизический кризис в душе одного человека. (В душе, – ни в коем случае не в «душонке»!) ТОСКА – это когда рядом нет живой воды, нет друга, нет веры, надежды, любви, толка, смысла – ничего!

Нет живой воды – берем мертвую.

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь...

От тоски очень близко до уныния. Уныние в православии – страшный грех. В тоске русскому человеку некуда спрятаться, но есть куда как-бы-спрятаться. Это не белая и не черная, это серая ниша – запой. Еще хорошо, если взаправду запой: из настоящего, *от души* запоя – или в могилу, или – к очищению, к вере, к надежде, к душе, потому что третьего пути просто нет. Но кто-то – и часто! – уходит и в как-бы-запой – как-бы-любовью, как-бы-работой, как-бы-творчеством, как-бы-самоуспокоением или наоборот как-бы-самоистязанием... много их – как бы запоев как бы чем-то... Тут уж кому как и кому что скажет СУДЬБА.

Русская СУДЬБА – это не предопределение, не европейский *рок*, не древний *фатум*, не восточная *карма*. Русская СУДЬБА – это жизненное пространство без границ. Это и безграничный суд, Суд Божий, Вселенский суд. СУДЬБА – это судьи, что стоят намного выше суда жизни, они, в отличие от всех остальных, – неподкупны.

Но русская СУДЬБА это – и мечта без края.

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Вовсе необязательно, что ТОСКА и СУДЬБА играют в русском мире отрицательную роль. Наоборот – они то горнило, пройдя которое, человек обретает свой огонь. Они несут человека к самым дальним пределам жизненного пространства, как метафизическим, так и географическим. Оттого нас так много *на всей* Земле, оттого нас немало на самом крайнем, на самом Дальнем Востоке. Не мы сами – на края Ойкумены, нас СУДЬБА туда забрасывает.

Пройдя испытание ТОСКОЙ и СУДЬБОЙ, русский человек делает живыми, радостными – о-*свой*-енными – все вещи вокруг себя, от простейших до самых сложных. Хотя иногда он проходит испытание даже не своей судьбой, а судьбой своих родителей. Это тоже один из мотивов не только православия (страдать за грехи своих отцов), но и вообще русской культуры, – со своею судьбой.

«Безответным рабом
Я в могилу сойду,
Под сосновым крестом
Свою долю найду».

Эту песню певал
Мой страдалец-отец,
И по смерти завещал
Допевать мне конец.

Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землей пролетит.

Не безгласным рабом,
Проклиная житье,
А свободным орлом
Допою я ее.

Конечно, человек русской культуры, как и всякий человек, любой культуры, может пробовать взять судьбу в свои руки, самому быть себе высшим судьей.

Когда это происходит в простейшем масштабе, только одной личности, он всё же чаще всего говорит: «*От судьбы не уйдешь*». Эта максима, скорее, метафизического, чем рационального характера. Она – не о роке или фатуме, она именно о жизненном пространстве без границ. Где не «всем всё возможно – хорошее или плохое», не о конкретности «программных алгоритмов» жизни, – но о том, что «возможно всё», потому что никаких алгоритмов нет.

А иногда весь русский мир сам пробует установить границы своему бытию, и в этих границах и править собственной судьбой. Как было в 1917-м. И 74 года после. Когда русский мир попробовал «отменить» ДУШУ, ТОСКУ и СУДЬБУ. Но оказалось, что с их «отменой», отменяется весь русский словарь бытия, вообще «отменяются» имена жизни, а приходят одни лишь вместо-имения, жить становится попросту негде. О чем и писал в своем эстонском «недалеке» Игорь Северянин. Писал о своей и всех погибающей душе, о вселенской тоске, о том, как вместо имен русского мира ДУША, ТОСКА, СУДЬБА, – ... не осталось никаких имен.

Мне хочется уйти куда-то,
в глаза кому-то посмотреть,
Уйти из дома без возврата
И там – там где-то умереть.

Кому-то что-то о поэте
Споют весною соловьи.
чего-то нет на этом свете,
Что мне сказало бы: «Живи!»

Не осталось безграничного пространства русского мира – такое возможно? История показала, что пока это невозможно. От судьбы не уйдешь. Сама История лишила ДУШИ, вогнала во вселенскую ТОСКУ, не излечила как-бы-запоем-как-бы-коммунистического-как-бы-труда, и ОСУДИЛА. Наверное, от этого – более всего остального, сугубо рационального (усталость и старость элиты, непосильная для экономики «гонка вооружений», «сладким дурманом тянет с загнивающего Запада», идеологический кризис, тотальная коррупция вкупе с «теневой экономикой» и «подпольными миллионерами», треск откалывающихся льдин национальных окраин, и т.д.), – от этого мало прожил и быстро сломался Советский Проект.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.